

ИСЛАМ: АПОЛОГИЯ ВАНДАЛИЗМА ИЛИ ЕГО ЖЕРТВА?

С. И. Сулимов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 ноября 2017 г.

Аннотация: *в данной работе рассматриваются характерные черты исламской культурной политики средних веков и наших дней. Авторы опровергают миф о том, что ислам безразличен или враждебен к иным культурам. На примере средневековой арабской философии иллюстрируется, что, благодаря сделанным мусульманами переводам античных и персидских работ, в арабской философии было неисламских идей едва ли не больше, чем коранических. Также авторы доказывают, что обскурантизм и вандализм являются уделом сектантов независимо от их конфессиональной принадлежности.*

Ключевые слова: *ислам, философия, сектантство, исмаилиты, вандализм, обскурантизм.*

Abstract: *In this work characteristic features of Islamic cultural policy of the Middle Ages and our days are considered. Authors disprove the myth that Islam is indifferent or hostile to other cultures. On the example of medieval Arab philosophy it is illustrated that, thanks to the translations of antique and Persian works made by Muslims, in the Arab philosophy was not Islamic ideas hardly no more, than Koranic. Also authors prove that the obscurantism and vandalism are destiny of sectarians irrespective of their confessional accessory.*

Key words: *Islam, philosophy, sectarianism, Ismailis, vandalism, obscurantism.*

В наши дни участились утверждения о том, что ислам представляет собой религию, санкционирующую вандализм. Новостные выпуски сообщают о варварском уничтожении боевиками исламистских группировок ИГИЛ и «Талибана» памятников доисламской культуры, некоторые авторы справедливо отмечают, что подобные прецеденты мусульмане позволяли себе и раньше, еще на заре хиджры. В частности, такие современные восточные и западные исследователи, как Ж. Кепель, А. Рашид и А. Тарик пишут о том, что обскурантизм радикальных исламистов – это своеобразная попытка реанимировать дух средневекового, ортодоксального ислама. Недаром лидеры талибов ссылаются на раннее средневековье, ту эпоху, когда мусульмане были не жителями «третьего мира», а хозяевами половины Евразии. Но так ли это? Неужели ортодоксальный ислам – религия разрушителей? В данной работе мы предпримем попытку ответить на этот вопрос и выявить соотношение разрушительного и созидательного потенциала в исламской культуре.

Прежде чем говорить о роли вандализма в практике исламского прозелитизма, необходимо определить термин. Под вандализмом в данной

работе мы будем понимать безвозмездное уничтожение материальной части культурного комплекса и нападки на его духовную составляющую. При этом важно оговориться, что безвозмездным разрушение можно назвать только по факту: не важно, чем замыслил разрушитель заменить уничтожаемое им произведение искусства или осмеиваемую легенду – если он уничтожил артефакт, не произведя реальную замену, значит, разрушение было безвозмездным, т. е. вандальским. Например, разрушение доисламского храма, сопровождающееся строительством мечети на его фундаменте, не является вандализмом, потому что предполагает замену одного артефакта другим. А вот взрыв статуй Будды в Бамиане, организованный талибами 2 марта 2001 г., является именно актом вандализма, потому что уничтоженные статуи не были заменены никаким другим произведением искусства. Ислам неодобрительно относится к скульптуре, но на месте баминаских Будд вполне можно было что-нибудь построить или хотя бы установить мемориал. Но ничего подобного не было сделано: мировое художественное наследие лишилось монументальных статуй и не получило ничего взамен. Это и есть вандализм – безвозмездное разрушение.

Связан ли разрушительный компонент с религией как явлением? Безусловно. Утверждая свою доктрину и создавая собственный культурный комплекс, любая религия без колебаний отвергает компоненты чужих культур, которые с ее доктриной несовместимы. Британский философ Г. К. Честертон удачно подчеркнул бескомпромиссность этого явления: «Что для одних воздух, для других – отравя. Никого не убедить оставить чуму в покое» [1, с. 180]. И в таком отвержении нередки «запрещенные приемы»: от проклятия и осмеяния до физического уничтожения. Но, как уже говорилось выше, такое уничтожение, даже происходящее стихийно, всегда предполагает замену уничтожаемого «нечестивого» на создаваемое «священное». Это касается и таких развитых теистических религий, как ислам и христианство, и даже политеистического и пантеистического античного язычества. Например, после подавления очередного иудейского восстания римский император Адриан приказал окончательно снести руины иерусалимского храма и построить на их месте святилище Юпитера. Такая практика – явление, присущее любой религии, стремящейся к прозелитизму. Иногда агрессия, направленная против «нечестивых», принимает формы не материального разрушения, а литературной полемики, которая благотворна для всех участвующих в ней сторон. Ведь в ее ходе появляются новые литературные произведения, и многие люди обретают стимул стать грамотными. Например, первые христиане не только отвергали языческую культуру, но и активно оспаривали ее идеи или даже творчески перерабатывали их в теистическом ключе. Недаром апологеты первых веков н.э. вошли в историю не только как мученики, но и как писатели.

Когда говорят об исламском вандализме, то какие же факты чаще всего ставят мусульманам в вину, если исключить выходки современных исламистов? Во-первых, это легендарный приказ халифа Омара сжечь

содержимое Александрийской библиотеки потому, что, видите ли, всё, что не противоречит Корану, уже есть в Коране. Во-вторых, это религиозная политика египетского халифа аль-Хакима из династии Фатимидов, целенаправленно разрушавшего христианские святыни на подвластных ему территориях. По его специальному приказу были разграблены и осквернены древний монастырь Святой Екатерины в Египте и Храм Гроба Господня в Иерусалиме, что косвенно спровоцировало Первый крестовый поход. Действия аль-Хакима и его приспешников отечественный историк А. А. Федоров-Давыдов характеризует настоящей эпитафией: «Горькие времена настали для христиан, горше прежнего. Мусульмане не только мучили христиан, но нарочно оскорбляли их религиозные чувства: запрещали службы, торжественные церемонии, а церкви, например, обращали в конюшни. Когда папа Сильвестр II отправился в Иерусалим, ужас объял его при виде бедствий христиан» [2, с. 12]. Антихристианская политика ранних османских султанов не может считаться вандальской, потому что христианские святыни превращались турками в мечети (самый наглядный пример – мечеть Айя София в Стамбуле, бывший собор Святой Софии), а не разрушались. Христиане в Османской империи сохраняли свободу вероисповедания при условии, что не будут занимать никаких должностей на государственной службе.

Итак, разберем первый прецедент, в наши дни считающийся едва ли не знаковым: сожжение Александрийской библиотеки. Халиф Омар действительно считал Коран чтением, достаточным для мусульманина, и на этом основании относился к античной и христианской литературе без пиетета. Может быть, ислам по своей сути относится с антипатией к светской литературе? Ничуть не бывало: как показывает историко-культурная практика, негативное отношение халифа Омара к доисламским книгам было исключительно его личным мнением, с которым мусульмане были обязаны считаться из уважения к халифу. Другие халифы обычно отличались более разносторонним мышлением. Вот как характеризует их отношение к филологии французский исследователь А. Корбен: «В 832 г. халиф Мамун основал “Дом мудрости” (*Байт ал-хикма* (зд. и ниже курсив мой. – С. С.)), руководство которым было вверено Йахйе ибн Масуйе (ум. 857), преемником которого стал его ученик, знаменитый и плодовитый Хунайн ибн Исхак (809–873), уроженец ал-Хира, выходец из арабского христианского племени *ибад*. Хунайн, несомненно, является наиболее знаменитым переводчиком греческих трудов на сирийский и арабский; необходимо упомянуть также имена его сына Исхака ибн Хунайна (ум. 910) и племянника Хубайша ибн ал-Хасана. Это была настоящая мастерская переводов или адаптаций – чаще всего с сирийского на арабский, намного реже на арабский непосредственно с греческого. Вся арабская философская и богословская терминология была выработана здесь в течение III/IX в. Не следует, однако, забывать, что эти слова и концепты в арабском языке позднее стали жить своей собственной жизнью» [3, с. 35–36]. То есть в багдадской библиотеке в открытом доступе находились персидские, христианские и даже халдейские сочи-

нения, касающиеся не только естественнонаучных, но и богословских вопросов. Несторианское богословие, запрещенное даже в православной Византии, было доступно любому мусульманину. А для простоты чтения эти книги даже переводились на арабский язык. И переводили их не улемы, выполняющие в исламском мире функцию цензоров, а образованные христиане арабского происхождения. О такой широте взглядов средневековая Европа могла только мечтать! Недаром европейцы познакомились с сочинениями Аристотеля не по византийским, а по арабским переводам. При этом речь идет не о выборочных переводах работ античных классиков, которые можно было бы согласовать с доктриной исламского вероучения, а обо *всём* комплексе доисламской литературы, включая эзотерические работы гностиков и даже астрологические трактаты. Именно благодаря глубокому интересу мусульман к филологии, поощряемому авторитетным и эрудированным халифом, возникло такое многогранное явление, как «фаласифа», которое по своей сути не противоречит исламу и органично связано с ним, но, в то же время, является прямым наследием античных и гностических авторов. А Корбен прямо предупреждает, что взгляд на ислам как на буквалистское фарисейство, в корне не верен: «Действительно, если бы ислам был только законнической религией шариата, философы вообще не нашли бы в ней для себя места. На протяжении столетий они не могли обойти вниманием этот факт в своих прениях с правоведами» [там же, с. 40]. То есть получается, что халиф Омар уничтожил Александрийскую библиотеку только для того, чтобы халиф Мамун компенсировал для мировой философии и литературы ее потерю открытием багдадского Дома мудрости.

Может быть, багдадская ученость была исключительно придворным явлением, не затрагивавшим большую часть исламского мира? Дело обстояло в точности до наоборот. Наряду с Багдадом существовали и другие центры средневековой мусульманской образованности, некоторые из них даже не были подвластны халифу. Например, в Бухаре под покровительством среднеазиатской династии Саманидов функционировала самостоятельная философская школа, опиравшаяся на учение Аристотеля. Самым ярким ее представителем является Абу Наср Мухаммед аль-Фараби (872–951 гг.), кроме развитой онтологической системы создавший и социально-утопическое учение, изложенное в работе «Трактат о нравах жителей Добродетельного города». В этой книге мыслитель рассматривает различные деформации общественного устройства и противопоставляет им свой умозрительный идеал, похожий на синтез политических воззрений Платона и Аристотеля. Другим центром мусульманской учености была Андалузия. Казалось бы, здесь, на северо-западном форпосте исламского мира, правителям стоило думать только о бесконечных войнах с иберийскими крестоносцами. Однако даже в обстановке постоянных сражений и набегов нашлось место философии и литературе. Кроме легендарного Абу-Валида ибн Рушда (1126–1198 гг.), известного и уважаемого европейцами под именем Аверроэс, блестящую репутацию имел Абу Бакр Мухаммед ибн Туфайл (1110–1185 гг.), совмещавший

философские исследования с обязанностями визиря и придворного врача при эмире из династии Альморавидов. При этом Ибн Рушд принадлежал к перипатетической школе, а Ибн Туфайл – к неоплатонической. Философский роман, написанный последним («Повесть о Хайе, сыне Якзана»), мог бы войти в золотой фонд позднеантичных книг, если бы не был написан в XII в., эпоху крестовых походов и Реконкисты.

Таким образом, утверждение о том, что ислам впитал в себя неприязнь к литературе, которой отличался халиф Омар, в корне неверно. Варварский, по-настоящему вандальский поступок, совершенный халифом по отношению к Александрийской библиотеке, был многократно компенсирован любознательностью и меценатством множества других халифов, султанов и эмиров. Причем эти монархи принадлежали к различным династиям: Омейяды, Аббасиды, Саманиды, Альморавиды, а затем и Моголы одинаково покровительствовали филологам и философам, независимо от того, к какому направлению они принадлежали и могли ли окупить свое существование прикладными математическими или медицинскими знаниями.

Другим обозначенным нами прецедентом стало целенаправленное уничтожение христианского наследия каирским халифом Абу Али Мансуром аль-Хакимом (годы правления 996–1021). По приказу халифа были разрушены все, находившиеся в его владениях, церкви и монастыри, запрещены литургии, над православным духовенством солдаты халифа откровенно издевались. Это исторический факт, не подлежащий сомнению. Но пишущие об этом авторы обычно не договаривают, что халиф аль-Хаким был настроен к ортодоксальному исламу еще более враждебно. Отечественный исследователь Л. А. Семенова так описывает антиисламские выпады каирского халифа: «Хаким, уверовав в свою божественность, отказался ото всех традиционных обрядов ислама, признаваемых исмаилитами, перестал посылать покрывало для Каабы и препятствовал отправлению паломников в хадж. Странные распоряжения Хакима (запрещение торгово-ремесленной деятельности в дневное время, запрещение женщинам выходить из дома) рассматривались как провозвестие конца мира» [4, с. 128]. Из этой цитаты можно сделать два закономерных вывода. Во-первых, у правителя была не вполне здорова психика. Л. А. Семенова отмечает, что он избегал солнечного света и был подвержен истерикам, во время которых убегал из дворца и катался по окрестностям Каира верхом на осле. Во время одной из таких поездок правитель был похищен и, по непроверенным данным, убит. Во-вторых, Л. А. Семенова между делом указывает, что халиф аль-Хаким исповедовал исмаилизм, т. е. принадлежал к маргинальной, почти еретической ветви шиитского ислама. В VIII–IX вв. н.э. исмаилиты повсеместно выступали против суннитов и шиитов, исповедуя мессианство и всюду организовывая свои эзотерические общины, делящиеся на множество степеней посвящения и враждебно относящиеся к любым иноверцам – как христианам, так и ортодоксальным мусульманам. На заре исмаилитского движения одно из сектантских течений, именуемое *карматы*,

предприняло попытку уничтожить ислам как таковой и даже разрушило Мекку, учинив страшную расправу над паломниками и выломав из Каабы Черный камень. Вот как описывает действия исмаилитских главарей той эпохи хорошо знавший эту секту Низам аль-Мульк: «Когда Бу-Саид и Бу-Тахир появились в Лаксе, они бросили в поле и осквернили все имевшиеся списки Торы, Евангелия и Корана. Бу-Тахир говорил: “Три лица принесли порчу людям: пастух, лекарь и погонщик верблюдов. Наибольший из них обманщик погонщик верблюдов”. <...> Он приказал проклинать посланников и пророков; арабам в этом отношении приходилось тяжело» [5, с. 222]. Династия, к которой принадлежал халиф аль-Хаким, Фатимиды, представляла собой исмаилитскую группировку, в 969 г. захватившую Египет вооруженной рукой. Их тогдашний лидер, Абу Тамим аль-Муизз, провозгласил себя халифом самовольно, игнорируя присутствие настоящего халифа в Багдаде, и власть его не была признана не только суннитами и шиитами, но даже большинством исмаилитов. Характеризуя положение исмаилитов в исламском мире в годы их наивысшего расцвета, отечественный историк Е. И. Зеленов делает такое заключение: «Исмаилизм пострадал от того, чего так счастливо удалось избежать самому исламу: благодаря многоступенчатой иерархии посвящения, жесткому и необъективному отбору кадров для принятия в правящую элиту, исмаилизм превратился в кастовый признак горстки людей, изолированных от общества религией избранных» [6, с. 69]. Таким образом, приписывать ортодоксальному исламу мировосприятие, характерное только для исмаилитов, маргинальных сектантов, по меньшей мере, несправедливо. К сожалению, не только некоторые наши современники, но и средневековые европейцы не видели разницы между исламскими течениями, и за вандализм отдельно взятого душевнобольного, хоть и венценосного сектанта пришлось отвечать всем мусульманам, которых возмущенные осквернением Иерусалима крестоносцы встретили на своем пути. Так, сельджуки-сунниты и даже неприязненно относящиеся к узурпаторам-исмаилитам египтяне оказались под ударом западных рыцарей, которые последовательно взяли штурмом Никею, Антиохию, Иерусалим, Газу и Думьят и учинили расправы над всеми мусульманами, попавшими им под руку.

Итак, мы разобрали два самых известных прецедента, из-за которых на ислам падает обвинение в вандализме. Оба обвинения при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными. Нельзя сказать, что среди средневековых мусульман не было вандалов и обскурантов, но исламская доктрина такое поведение не одобряет и, тем более, не предписывает. Может последовать возражение, что оба примера касаются давно минувшей эпохи, а в случае с исмаилитами речь идет даже не о мусульманах, а о маскирующихся под них сектантах. Может быть, в наши дни всё обстоит иначе? Ведь боевики ИГИЛ и «Талибана», варварски и целенаправленно уничтожающие памятники древности, позиционируют себя как ортодоксальные сунниты. Но так ли это?

На счету талибов взрыв монументальных статуй Будды в Бамиане, уничтожение фрески «История Герата», а также тщательная борьба со светской музыкой и любым изобразительным искусством. Пакистанский исследователь А. Рашид утверждает, что в годы правления талибов в Афганистане сотрудники «полиции нравов» попросту отбирали у людей фотографии и аудиокассеты, а упорствующих публично пороли плетями. Автора фрески «История Герата» художника Мухаммеда Машала заставили присутствовать при закрашивании его творения белилами и притворяться, как будто он рад этому [7, с. 161]. Но сразу же возникает закономерный вопрос: если писать фрески и любоваться ими – грех для мусульманина-ортодокса, – то кто же позволил Мухаммеду Машалу нарисовать «Историю Герата»? И сразу же выяснится, что «Талибан» – очень молодое движение, идеалы и ценности которого большинству мусульман непонятны. Это ни в коем случае не суннитские ревнители веры, а наследники и питомцы маргинального сектантского движения, именуемого *деобандизм*. Течение это оформилось в Северной Индии только во второй половине XIX в. и никогда не позиционировало себя как ортодоксальное. Это была попытка лишенных власти и привилегий индийских мусульман выжить в Британской Индии, где они оказались в меньшинстве, а у индуистского большинства за три века правления Моголов накопилось к ним множество претензий и обид. Основатели деобандизма Мухаммед Нанотави и Рашид Гангохи рассматривали свое движение как возможность для мусульман только лишь выжить. Поэтому талибы ни в коем случае не пример ортодоксального суннизма, а скорее малограмотные и фанатичные выходцы из далекой диаспоры. Более того, мусульманские ортодоксы относятся к ним соответствующим образом. Вот как отзывается о «Талибане» англо-пакистанский исследователь А. Тарик: «Что предлагают исламисты? Путь в прошлое, которое никогда не существовало. Если “Афганистанский эмират” – то самое, что они стремятся навязать миру, то большинство мусульман пойдет против них с оружием в руках» [8, с. 429–430].

То же самое можно сказать и о боевиках ближневосточного исламистского движения «Исламское государство Ирака и Леванта», не так давно взорвавших доисламские архитектурные ансамбли Пальмиры и Нимруда и открыто похваляющихся этим вандализмом. Хотя их лидер Абу Бакр аль-Багдади и называет себя суннитом, но идейно и даже социально адепты ИГИЛ являются наследниками и участниками исламистского религиозно-политического движения, берущего начало лишь в 1920-е гг. Отдельный вклад в действия современных вандалов вносят аравийские ваххабиты, но еще в начале XIX в. халиф объявил ваххабизм ересью. То есть глава суннитов отказал ваххабитам в праве считаться мусульманами [9, с. 240].

Таким образом, получается, что в наши дни, как и в средние века, варварские выходки сектантов-отщепенцев бросают тень на многомиллионную религиозную конфессию. Их действия никак не могут быть спрое-

цированы на всех мусульман хотя бы потому, что исмаилиты, деобанди и ваххабиты могут быть названы мусульманами лишь с немалой долей допущения. И именно поэтому их обскурантизм и вандализм под маской гипертрофированного благочестия объяснимы и понятны. Еще в начале XX в. отечественный философ П. А. Флоренский указывал, что противопоставление религиозной догматики и этики любым проявлениям светской культуры характерно не для настоящих адептов религии, а для протестующих против ортодоксии сектантов: «Природа религии – соединять Бога и мир, дух и плоть, смысл и реальность. Пафос протестантствующих – обособить то и другое в оторванные друг от друга области, запретить их, разделив непроницаемой стеной, и раз навсегда обеспечить миру невмешательство в него Божественных сил и энергий, чтобы нерушимой была автономия его, “свобода плоти”, и чтобы бесплотным был дух: “свобода духа”. Не хочу лукавить, называя подобные уклоны *ересью*: это значило бы видеть в них все же нечто *религиозное*. Но они – антирелигиозны, они существенно противорелигиозны, не внебожественны, но *безбожны* и *противобожны*» [10, с. 60]. Приравнять развитую теистическую религию, которой является ислам, к маргинальным сектантам-исмаилитам или ваххабитам – то же самое, что попытаться свести все христианство к западным анабаптистам или российским старообрядцам.

Мы сделали попытку выявить соотношение разрушительного и творческого потенциала в исламской культуре. И даже поверхностный анализ показал, что это соотношение точно такое же, как в любой другой высокой и развитой культуре. Духовное творчество мусульман – это философия Абу Насра Мухаммеда аль-Фараби и поэзия Омара Хайяма. Совершенные мусульманами в борьбе с другими религиями разрушения не могут классифицироваться как вандализм, потому что всегда сопровождались заменой одних культурных ценностей на другие, а в ряде случаев имело место прямое наследование и творческое переосмысление (например, перевод и переработка античной философии). Некоторые мусульманские правители действительно отдавали приказы, граничащие с мракобесием, но это нюансы их личного отношения к миру, потому что на один обскурантистский приказ всегда приходилось несколько противоположных распоряжений. Поэтому обвинять ислам в предрасположенности или потворстве вандализму и мракобесию, по меньшей мере, неправомерно.

Литература

1. *Честертон Г. К.* Вечный человек / Г. К. Честертон. – М. : Политиздат, 1991. – 544 с.
2. *Федоров-Давыдов А. А.* Крестовые походы / А. А. Федоров-Давыдов. – М. : АСТ, 2008. – 383 с.
3. *Корбен А.* История исламской философии / А. Корбен. – 3-е изд. – М. : Академ. проект, 2016. – 367 с.
4. *Семенова Л. А.* Из истории фатимидского Египта / Л. А. Семенова. – М. : Наука, 1974. – 264 с.

5. Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / Низам ал-Мульк. – М. : Изд-во АН СССР, 1949. – 379 с.
6. Зеленов Е. И. Мусульманский Египет / Е. И. Зеленов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 373 с.
7. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии / А. Рашид. – М. : Библион – Русская книга, 2003. – 368 с.
8. Тарик А. Столкновение цивилизаций : крестовые походы, джихад и современность / А. Тарик. – М. : АСТ, 2006. – 528 с.
9. Васильев А. М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии (1744–1818) / А. М. Васильев. – М. : Наука, 1967. – 262 с.
10. Флоренский П. А. Философия культа. Опыт православной теодицеи / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 2004. – 685 с.

Воронежский государственный университет

Сулимов С. И., кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и культуры

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Тел.: 8-960-116-90-71

Voronezh State University

Sulimov S. I., Candidate of Philosophy, Associate-Professor of the History of Philosophy and Culture Department

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Tel.: 8-960-116-90-71